

*Автор выражает благодарность за помощь
Зое Фокиной, Галине Болдыревой и Крису Зябликову.
А также Александре Копыловой — за рыбный рулет.*

ГЛАВА 1

После проведенных на корабле недель меня штормило сильнее, чем Атласный океан. Я спускался по трапу медленно, чтобы не упасть в грязную воду у пирса. Впереди семенила пожилая чета гномов, и я делал вид, что они — причина моей нерасторопности, а не кружащийся перед глазами мир.

Впрочем, никто и не спешил. Путешествие между материками всем далось нелегко. Если на корабле и плыли привыкшие к качке пассажиры, то они соскочили на берег первыми.

Чете оставалось преодолеть полметра трапа, как гномка запнулась и едва не упала. Я поддержал ее под локоть и, пропустив мимо ушей благодарность, помог перебраться на причал. Гномы ощутили под ногами твердую поверхность, огляделись и направились к багажному люку, из которого усталые юнги уже успели выгрузить несколько чемоданов.

Мои скудные пожитки уместились в рюкзаке за плечами. Первоземье пришлось покинуть в спешке, лишний вес замедлил бы меня. Потому я взял только драгоценности кузины, которые собирался превратить в местные деньги, комплект сменной одежды, несколько книг и футляр с инструментами. Без инструментов бежать вообще не имело смысла.

Я отошел в сторону от толпы перед регистрационными стойками и рукавом вытер с лица испарину. В теории я знал, что климат этих мест отличается от привычного. На практике соленая жара и духота оказались мучительной пыткой. Конечно, за пару месяцев я приспособлюсь к палящему солнцу, но пока все мои желания сводились к тому, чтобы вдоволь напиться холодной до рези в зубах воды и лечь где-нибудь в тени, не чувствуя наконец качки.

Амулет иллюзии, висящий на шее, издал треск. Опустив взгляд, я проследил, как внутри розового кварца гаснут искры

магии. Минут двадцать в запасе имелись, и за это время мне нужно было найти укрытие. Или добраться до тех районов города, где незнакомец в надвинутом капюшоне не привлечет внимания. Оставаться в порту, где всегда царит столпотворение, мне противопоказано. Будет плохо, если мою примечательную внешность запомнят: любой, кто задаст правильные вопросы, быстро поймет, когда и откуда я прибыл.

Увы, как ни хотелось верить в собственную хитрость, я знал, что погоня, направленная за мной, уже добралась до порта, который я покинул две недели назад, сопоставила даты и ушедшие рейсы и села на следующий корабль из Старого Света в Новый. Не так-то сложно сообразить, что я покинул материк. Мне ведь требовалось оказаться как можно дальше от Первоземья, а не плавать кругами в ожидании, когда меня схватят и казнят.

Конечно, стоило сегодня же не мешкая найти следующий корабль и двигаться дальше, за западный архипелаг. Но я надеялся, что так решит и погоня, прибыв в город, станет думать, куда цель побежала дальше. А я умный — я не побегу. Затаюсь где-нибудь неподалеку и буду наблюдать. Форса в пять-семь дней у меня точно есть. И за это время можно позаботиться о достойных путях отступления. С островов выбраться, если что, будет сложнее. Не говоря о том, насколько не просто затеряться на небольших клочках суши.

Позволив себе тихий стон от слабости и дурноты, я поковылял к регистрационным стойкам. Поддельные документы у меня хорошего качества, а амулет иллюзии, хоть и грозился вот-вот сломаться, куплен в лавке мастера-артефактора. А значит, штатным сканером или заклинанием увидеть мой обман нельзя. Хорошие маги на дороге не валяются, а потому никто не поставит их в такую жару проверять потный и уставший сброд.

Оборотень в пыльной форме осмотрел мою карточку, повел носом и подозрительно сощурился. Я только прикрыл глаза: ничего, кроме запаха грязного тела, учуять перевертыш не мог. Но интуиция явно мешала ему просто так выпустить меня с пирса.

— Цель?

— Начать новую жизнь. — Голос получился отличным — сильным, слабым, абсолютно не моим.

Честное признание расслабило стража порядка. Все, кто сегодня прибыли в порт, от чего-то бежали. Но в отличие от

меня старательно придумывали другие цели и важные дела. А потому, посмотрев на напирающую толпу, оборотень быстро провел перед моим лицом сканирующим артефактом, не найдя отклонений, быстро заполнил бланк на временное проживание и шлепнул печать.

— Если задержишься, где продлевать, знаешь?

Я не знал, но кивнул. Потом выясню.

Оборотень переписал мои данные в регистрационную книгу и махнул рукой, разрешая пройти.

В ранец он даже не заглянул — сторожевые заклинания на меня не отреагировали, а значит, ничего запрещенного или опасного я с собой не вез. Обычный неудачник, потерявший все и надеявшийся, что на новом месте повезет хоть немногим больше.

Пройдя контроль, я побрел к кассам, где немного помозоллил глаза охране и работникам небольшого павильона. Изучил доску с ближайшими рейсами, с интересом прочитал объявления о том, кому и куда требовались наемные работники. Несколько листов, судя по оставшимся обрывкам, уже забрали прибывшие на одном рейсе со мной пассажиры. Да, деньги очень важны в вопросе выживания, так что в скором времени мне тоже предстоит озаботиться поисками работы. Но конечно же не в порту.

Скрепя сердце я потратил три золотых на билет до Яшмовых островов, корабль к которым уходил завтра. Воспользоваться им я не собирался. Зато билет вписывался в то, как я должен был действовать, по мнению погони: бежать, не оглядываясь, как можно дальше, на край света, чтобы забиться в самую глубокую и темную нору и дрожать от каждого шороха. На первых порах я действительно собирался поступить так. Но две недели в тесной каюте с тремя пассажирами и мучающей меня морской болезнью помогли пересмотреть цели и приоритеты. Я хотел — отчаянно, толком не зная, что это такое, — нормальной жизни. Заниматься чем-то, что приносит удовольствие, а не ненависть к себе. Быть может, завести друзей. В этом городе я рассчитывал найти хотя бы временное убежище, а также набраться сил, чтобы сразиться за новую жизнь.

Очень хотелось купить карту, но амулет иллюзии уже искрил. Так что эту идею я оставил на потом и набросил на себя невидимость. Иллюзия тут же спала: заговоры на камнях ви-

сели простые, а потому вступили в конфликт, и опустевший амулет отключился.

Минут десять—пятнадцать на то, чтобы убраться по переплетению узких улочек на максимально возможное расстояние от порта, у меня были. Затем придется придумывать что-то еще. В ранце, конечно, лежал небольшой запас магической мелочи на черный день, но я надеялся, что наступит тот не скоро и тратить последние камни с заговорами сегодня не придется.

Чуть дальше за причалами, к которым подходили корабли из дальних рейсов, начинались пирсы для рыболовецких судов и мостки для прогулочных лодок. И уже за ними располагался город. Даже будучи крайне утомленным, я отметил, насколько ярким он был, поднимаясь широкими ярусами вверх, к дворцу.

На шумной площади едва слышно звенел фонтан — три русалки держали над каменными головами кувшины, откуда лилась ледяная вода. В чаше кроме веток и листьев, занесенных ветром, плавало достаточно мусора. Я потратил целую минуту невидимости, чтобы, воспользовавшись царящей вокруг суетой, набрать несколько пригоршней и напиток. Зубы тут же пронзило болью от холода, а от затхлого вкуса к горлу подкатил комок, зато в голове прояснилось. Миновав каплицу — небольшую каменную часовню в конце площади, где все прибывшие в город или покидающие его могли помолиться Триединому, я пошел прочь от толпы, уверенно углубляясь в лабиринт улиц.

Материк хоть и был другой, со своими особенностями, заселяли его потомки смертных моряков, открывших Новый Свет. В нескольких исторических источниках, которые я, жадный до новых знаний, читал еще в Первоземье, говорилось, что некогда здесь обитали дикие племена язычников, приносивших жертвы кровавым божкам. К настоящему времени эти племена либо были истреблены, либо — ассимилированы, хотя вроде бы несколько резерваций еще оставалось.

Я повидал достаточно городов и много времени прожил среди людей, а потому рассчитывал, что и в Новом Свете разберусь с местными порядками.

Чем дальше я уходил от порта — тем тише становилось, и только по наглым крикам чаек можно было понять, с какой стороны я пришел. Узкие улочки с плотно подогнанными друг к другу небольшими разноцветными домами поднима-

лись выше и выше и наверху переходили в огромный парк, окружающий дворец.

Удивительно, но здесь в отличие от других мест, построенных людьми, не появлялось ощущения чего-то давящего и гнетущего. Кадки с цветами украшали балконы и подоконники, дикий виноград и клематис оплетали стены домов, между неровных камней мостовых росли глицинии и апельсиновые деревья. Приятный сладковатый запах наполнял воздух. Кое-где здания были украшены странными яркими плитками — иногда просто узорными, иногда складывающимися в целые картины.

Быстро пройдя насквозь площадь, занятую небольшим, но людным рынком, и сориентировавшись, в каком направлении дома становились богаче, а в каком — обшарпаннее, я свернул в сторону бедных кварталов.

Несколько дешевых гостиниц я с сожалением оставил за спиной. Мне нужно было найти что-то иное, не настолько очевидное. Что именно? Увы, я не представлял, что именно ищу. Из-за специфики своей работы в укладе человеческой жизни я разбирался неплохо, но стандартный ход — снять комнату — сейчас не годился.

Так я и плутал по улицам, не решаясь куда-нибудь зайти, пока с тихим треском не перестал работать амулет невидимости. А затем меня окончательно утомило солнце. Душная жара, которую не разбавлял даже ветер со стороны океана, оказалась слишком непривычна, тем более мой организм был измучен долгим путешествием и морской болезнью.

Когда мир перед глазами нехорошо закружился, я сел на ступеньки ближайшего дома, находящегося на теневой стороне улицы. Кажется, это была очередная гостиница или странный ресторан — дом не выглядел частным. Окна первого этажа закрывали плотные занавеси, за которыми едва ли можно было различить обстановку, а из приоткрытой двери доносился тяжелый запах парфюма, пота и табака. С верхнего этажа раздавались звонкие женские голоса. Язык, хоть и всеобщий, разбавлялся странным акцентом и множеством незнакомых слов, поэтому мне не удалось уловить сути разговора.

Я привалился спиной к прохладному камню и боролся с желанием задремать. Время для отдыха так-то было неподходящим. Сначала нужно найти безопасное место, и только потом можно расслабиться на день-два. Так что, вытягивая из

резерва капли магии, я пытался унять головокружение, чтобы заставить тело встать и пойти дальше. Может, если это гостиница, остановиться здесь? Или хотя бы стакан воды попросить?

— Мы откроемся в семь, проваливай. — В дверях появилась крупная фигура.

Выдрав себя из уютной полудремы, я прищурился, пытаюсь понять, кто прогоняет меня со ступеней. Немолодая женщина когда-то была красива, но годы взяли свое — фигура поплыла, щеки и веки отяжелели, и лишь взгляд был цепким и холодным. Я не понимал женщину — все это время улочка оставалась пуста, за прошедшие минуты мимо не прошло ни одного человека или нелюдя. Чем же и кому я помешал?

Мое лицо и фигуру скрывала тень, а поэтому женщина не могла разглядеть, кого прогоняет от своих дверей, но оценить потрепанность и усталость случайного гостя труда не составляло. И пахло от меня не лучшим образом.

— Деньги-то есть на услуги девочек? — уточнила женщина, придя к выводу о моей финансовой несостоятельности.

На что?

В кружащейся голове шевельнулось смутное подозрение. Я поднял взгляд от лица женщины к облупившейся надписи над входом. Если я правильно расшифровал закорючки всеобщего, то название заведения переводилось как «Женский дом».

Вот ведь дернула меня Триада сесть на ступени борделя!

— Прошу прощения, мэ, из-за жары мне стало нехорошо. У меня не было цели посещать ваш дом и пользоваться услугами девочек. Я надеялся посидеть несколько минут в тени и пойти дальше.

Мне хотелось добавить что-то вроде «не прогоняйте меня», но остатки гордости сдавили горло.

Лицо женщины ожесточилось. Вежливый тон не убедил ее, что я не обычный бродяга. Хотя, возможно, мое произношение сильно отличалось от местного и изъяснения не показались убедительными.

— Убирайся прочь! — приказала она, махнув полной рукой в низ улицы.

— Как скажете, мэ. — Скривившись, я поднялся, при этом заметно пошатнувшись, и поковылял прочь от борделя.

Стоило выйти обратно под палящее солнце, как в висках застучало, а позади раздался удивленный вскрик.

— Пойдите, господин! — Женщина сбежала по ступеням следом и схватила меня за руку. — Вам нужна помощь?

Конечно! Стоило покинуть тень, и хозяйка борделя разглядела, кого прогнала. Правда, выгоды от меня все равно никакой не было, но женщина про это не знала. Так что я воспользовался моментом.

— Можно ли попросить немного воды, мэм? И переждать солнцепек, если я не обременю вас.

И не страшно, что это бордель. До семи посторонних лиц тут не будет, а потом я воспользуюсь вечерними сумерками, чтобы не привлечь лишнего внимания. Хотя есть риск, что местные «девочки» тут же все растреплют своим клиентам. Но кто поверит шлюхам? Чтобы такой, как я, просил воды у таких, как они? Небылицы, право слово.

Женщина, ничуть не смущаясь, что от неожиданного гостя отнюдь не благоухает, подхватила меня под руку и потянула в дом. Где-то наверху противно скрипнули форточки — кажется, у нашей короткой беседы было несколько свидетелей.

— Недавно у нас, господин?

— Только с корабля, мэм.

Я позволил увести себя в прохладный зал и усадить на высокий стул, придвинутый вплотную к барной стойке. Для начала я попытался оглядеться, но сейчас, в нерабочее время «Женского дома», благодаря занавешенным окнам все тонуло в полумраке, и разобрать детали обстановки не получилось.

Зато буквально через минуту рядом со мной возник стакан, наполненный холодной водой. Я жадно, запрокинув голову, осушил его в два счета, и стакан тут же снова наполнился.

— Может быть, чего-то покрепче, господин? — Женщина, ничуть не смущаясь, встала за стойку.

— Благодарю, нет. Мне нужен ясный рассудок. — Я выпил второй стакан теперь уже медленно, наслаждаясь каждым глотком.

— Жаль. Разогнали бы кровь — вдруг бы и кто-то из девочек приглянулся.

От женщины не укрылось, как я поморщился, и оценивающий взгляд снова стал холодным. Я поспешил исправить ситуацию.

— Готов заплатить за информацию, мэм.

Из коридора раздался разочарованный вздох, но стоило женщине кинуть в темноту строгий взгляд, как все стихло.

Она снова налила мне воды и, выйдя из-за стойки, присела на соседний стул, облокотившись о деревянную столешницу и внимательно изучая меня.

— Впервые встречаю эльфа. Слышать про вас — наслушалась и сказок, и легенд, и анекдотов. Но ты никак не соответствуешь тому, что о вас говорят.

Я кивнул и помассировал виски. Как-то хозяйка борделя неожиданно переключилась с «господина» на «ты». Поняла, что клиента из меня не получится, но не прогонять же обратно? Вздохнув, я тоже опустил словесные реверансы.

— Сколько бы ты попросила, если бы к тебе пришли неизвестные и начали спрашивать про эльфа?

Такого поворота женщина не ожидала. Зато в ее взгляде наконец-то появилось понимание ситуации. И неожиданно хозяйка борделя смягчилась.

— Вряд ли те, кто придут спрашивать про эльфа, будут милы и осторожны. С нами редко церемонятся. Так что не переплачивай за мое молчание. Все равно, если придется, я расскажу то, что смогу.

Предельно честно. Что ж, значит, много мне узнать не получится: чем больше вопросов — тем больше информации выдам. А сложить обрывочные факты в общую картину погоне, которая явится за моей головой, будет несложно. Что ж, в любом случае, пока я плохо ориентируюсь в городе и его правилах, допущу множество ошибок.

— Где можно остановиться на несколько ночей? Безопасно. Чтобы мой вид не вызвал каких-то лишних идей и желаний.

Женщина думала недолго.

— Напишу записку. Хозяйка того места — моя знакомая. Но приготовься, что за крохотную комнатку заплатишь вдвое больше обычной цены.

Хоть вчетверо... главное, чтобы не тронули и дали возможность отдохнуть и привести мысли в порядок.

Порывшись по карманам, я вытащил уже успевшую измяться бумажку с разрешением на жительство. Я слышал об этом документе и знал о том, что стража, видя чужака, имеет право потребовать такую бумажку, а еще, что разрешение это временное.

— Что с ним делать? Как долго оно действует? Нужны ли будут дополнительные документы, если я захочу найти работу? Где его продлевать или восстанавливать?

Женщина посмотрела на имя, выведенное вверху справки. Я прекрасно понимал, что не похож на Кевина Келли, которому выдали разрешение. Тем более Келли переводилось как «светловолосый», а я шатен. Но поддельные документы на том материке пришлось делать в спешке, и я выбрал то, что хоть немного походило на мое настоящее имя. Тем более я надеялся, что завтра, а в крайнем случае через день найду лавку артефактора и куплю несколько амулетов, чтобы не отсвечивать своими ушами... и прочим, что отличает меня от смертных. И тогда никаких вопросов к Кевину уже не будет.

Ответить на мои вопросы хозяйка борделя не успела.

— Мадам Костанцо! — наверху раздался отчаянный девичий визг. — На помощь!

Женщина, которую, как выяснилось, звали Костанцо, резко поднялась, подобрав тяжелый подол платья, но бежать никуда не пришлось — из темного коридора выскочила полуголая девица и испуганно вцепилась в руку хозяйке.

— Дафна вся в крови! Столько крови! Это ужасно! — Девица разрыдалась.

Мадам легко отцепила ее от себя и прошла к входу — только сейчас я заметил, что у самых дверей располагалась небольшая стойка. Сейчас она пустовала — работник, отвечающий за прием клиентов, очевидно, отдыхал. Хозяйка, чуть слышно ругаясь на бардак с документацией, зашуршала бумагами, пытаясь найти что-то на столешнице. В тусклом освещении зала сверкнул ободок амулета-приемника.

— Еще бы дальше запахнули, — проворчала мадам, — тогда бы точно не нашли.

Несмотря на то что человек точно не была магом, с настройками она разбиралась бойко, видимо, такое происходило не в первый раз.

Девица, продолжая размазывать по лицу слезы вместе с броским макияжем, бормотала, будто бы извиняясь:

— Лорд Дебро был у нее всю ночь. Дафна так кричала! Под утро все затихло... Мы решили, что он уснул, поэтому не стали тревожить, чтобы не нарваться. Но он, видимо, ушел через заднюю дверь! Только когда Дафна не вышла поесть, я пошла посмотреть... а там! Так ужасно! Она едва дышит!

Хозяйка потрясла амулет и наградила девицу строгим взглядом, отчего та тут же собралась и, наконец-то заметив, что в зале есть посторонний, перестала всхлипывать.

— Лорд Дебро вперед оплатил все возможные издержки, — поджав губы, сообщила мадам. — Он был в своем вправе. Дафна прекрасно знала о его жестокости, но терпела ради денег.

Я допил четвертый стакан воды. Мне категорически не нравилось то, чему я стал свидетелем. Никогда не желал знакомиться с устройством борделей.

— Целитель Эдер? — Наконец амулет заработал. — Юхе? Позови, будь добр, господина Эдера. А лучше пусть сразу собирается к нам, это срочно. Да, из «Женского дома», все верно. Так и передай, что мадам Костанцо просит как можно скорее подойти.

Девушка эти минуты не отрываясь разглядывала меня. При таком отвратительном освещении вряд ли она могла многое увидеть, но мне было неуютно.

— Целитель прибудет с минуты на минуту, Фаби. — Мадам властно махнула рукой. — Поднимись наверх и организуй девочек, пусть согреют воды, освободят место для господина Эдера. Договорились, дорогая? — В конце хозяйка борделя повысила голос, словно намекая девушке, чтобы она поскорее убиралась.

— Конечно, мадам.

Фаби поправила на плече лямку прозрачного пеньюара и поспешила обратно в темноту коридора.

— Увы, господин Келли, небольшая внештатная ситуация. Неприятно, но не критично.

Однако я видел, как руки мадам Костанцо чуть подрагивают от волнения. Какой бы строгой и холодной хозяйка борделя ни казалась сначала, она явно переживала за здоровье некой Дафны, пусть та, судя по всему, добровольно пошла на риск.

— Люди бывают разные, — тихо согласился я. — Мне всегда было сложно вас понять, особенно в подобных аспектах.

Меня перекорезило от того, как иронично прозвучала из уст женщины фамилия «Келли», но называть настоящую или просить не обращаться ко мне так не стал. За последнее время, пытаясь выжить, я научился переступать через множество своих принципов и убеждений, которые раньше казались незыблемыми.

— Когда придет целитель, я оставлю тебя ненадолго?

Было понятно, что женщина не думает о том, что я куда-то залезу или что-то украду. Костанцо просто проявила вежливость, раз уж я стал свидетелем этой сцены.

— Я не двинусь с места, мэ.

Та хмыкнула.

— А стоило бы. Вторая дверь направо — общая уборная. Можешь привести себя в порядок.

Когда я уже направлялся к указанной двери, в зал стремительным шагом вошел мужчина. Он нес внушительный кожаный саквояж и одет был более чем достойно для рядового целителя. Весь вид показывал, как мужчине неприятно находиться в подобном месте.

— Половину вперед, — процедил он.

Если я правильно различил — в руку человеку перекочевали три серебряные монеты. Для обычного целителя, обслуживающего бордели, это были огромные деньги. Во всяком случае, в Старом Свете, из которого я прибыл. И либо я плохо понимал местное соотношение серебра к золоту, либо здесь настолько отличались расценки. А может, в городе вообще было мало целителей и им приходилось работать с разными условиями.

Мадам Костанцо, подобрав юбки, поспешила за мужчиной. Я же, найдя уборную, наконец немного привел себя в порядок.

Когда я вышел обратно в зал, хозяйка борделя сидела за стойкой и перекладывала бумаги, сортируя их по стопкам. Заметив мой взгляд, она повела плечами.

— Девочек тоже разогнала, они, да и я, сейчас только мешали бы.

— У вас мало целителей?

Женщина вздохнула.

— Увы. А магов-целителей еще меньше. На весь город всего одна больница и несколько частных клиник.

Я приготовился к тому, что визит целителя затянется, однако сэр Эдер спустился обратно меньше чем через десять минут. По моему мнению, единственное, что он мог успеть за это время, — провести полноценную диагностику и только приступить к непосредственному спасению жизни.

Однако мужчина брезгливо стащил с рук запачканные в крови перчатки, бросил их в мусорное ведро, достал из внутреннего кармана сюртука портсигар и закурил.

На стойку перед мадам упали три монеты.

— Безнадежно. Поздно нашли. Обширные внутренние повреждения и разрывы, к тому же она потеряла много крови. Даже задаток не возьму — я ничего не смог сделать. Надеюсь,

тебе достаточно заплатили, чтобы проводить девочку к Триединому в достойном виде. Пока же можете проститься. Минут пятнадцать, может, чуть больше она еще промучается. Я не давал ей макового отвара. Возможно, девочка решит изъяснить последнюю волю, и ей понадобится рассудок. Мои соболезнования.

Эдер отвесил мадам легкий поклон и удалился.

Хозяйка борделя выругалась, не стесняясь в выражениях. Откуда-то сверху донесся горестный плач. Я знал, что люди, любящие жестокость, не редкость и идут они за кровавыми развлечениями именно в подобные места. Но, судя по тому, что видел и слышал сейчас, смерть хотя бы в этом конкретном борделе была нечастой гостьей.

Побледневшая хозяйка невидяще уставилась на монеты.

Я услышал, что время есть, почесал в затылке и, переборов последние сомнения, решился.

— Мэм, быть может, я помогу?

Мадам Костанцо резко повернулась в мою сторону. У нее был какой-то странный взгляд, будто бы она не до конца понимала, что я предложил. А потом так ссутулилась, будто бы мало верила в то, что я что-то смогу сделать.

— Третий этаж, пятнадцатая комната. Девочки покажут.

Я порадовался, что перевел дух и немного восстановил магический резерв. Сейчас силы мне понадобятся.

Пройдя в темный коридор, я свернул на узкую лестницу. На втором этаже было пусто и тихо. Все девочки толпились в тесном коридоре третьего этажа. Здесь все было обставлено богаче и уютнее: под ногами появился ковер, на стенах — несколько картин фривольного содержания и дополнительные светильники. Здесь они горели, и стоило преодолеть последние ступеньки, в мою сторону устремилось более десяти пар испуганно-заплаканных глаз.

— Пропустите, я еще могу успеть.

Девушки молча расступились, открыв дверь в пятнадцатую комнату.

В нос ударил густой запах крови — целитель Эдер открыл окно, но жара, царящая на улице, не спасала положение, как и отдернутые занавески. Дышать было сложно.

Услышав скрип открывшейся двери, девушка на огромной двуспальной кровати слабо дернулась и застонала. Странно, что в таком состоянии она оставалась в сознании. Тут и маковый настой не требовался — от такой боли обычно теряют со-

знание. Хотя не исключаю, что и это было сделано сэром Эдером... Как он сказал? Чтобы девушка могла изъявить последнюю волю.

На мой взгляд, гуманнее было бы погрузить бедняжку в беспамятство, а не заставлять чувствовать, как утекает собственная жизнь. Странные порядки.

— Ты от Триединого? — раздался хриплый голос.

Лестно, конечно, но как бы Триединый не обиделся, что здесь такого плохого мнения о его представителях.

— Почти, — в подробности вдаваться не стал.

Сосредоточившись, я погрузил девушку в магический сон, который в случае моей неудачи обещал обернуться вечным. Как только затрудненное дыхание замедлилось, став редким и ровным, я приступил к осмотру.

С физиологией я знаком хорошо, сказал бы даже — отлично. Любой эльф — целитель. А учитывая специфику моего рода занятий, во внутреннем устройстве людей я разбираюсь не хуже, чем в эльфийском. При необходимости и роды могу принять, и полосную операцию провести. Хотя никакого удовольствия подобное мне не доставит.

Выглядела девушка ужасно. Опыт подобных развлечений у меня так-то отсутствовал, и я слабо представлял, чем, как и для чего можно такое устроить с человеком. И каким образом такое может принести наслаждение.

Быстро просканировав тело на предмет внутренних повреждений и разрывов, я посмотрел, чем стоит заняться в первую очередь. Обычный целитель действительно не смог бы спасти девушку. Так что моя злость на сдавшегося Эдера прошла. Не имея магического дара, делать здесь было нечего. Наоборот, хорошо, что человек быстро расписался в своей несостоятельности и ушел, сохранив драгоценное время и дав тем самым шанс мне.

Тратить собственный резерв, который за время бегства и так пришел в плачевное состояние, было жаль, но я убедил свою жадность, что раз уж вызвался — нужно все сделать хорошо и качественно. Поэтому, подхватив едва не угасшую искру жизни, влил в нее силу из своего внутреннего источника и принялся за лечение. Сначала я восстановил матку, пока еще оставалась возможность сохранить у девушки функцию деторождения. Зачем она нужна шлюхе, я понимал не очень хорошо. Они же все время вынуждены принимать настои от нежелательных последствий. Но пусть уж сама

сделает выбор, а не окажется перед фактом. Затем я поработал над прямой кишкой, бóльшая часть которой оказалась снаружи, а не там, где ей полагалось находиться. О том, что не все используют предусмотренный Триединым способ соития, я тоже слышал, но на практике столкнулся первый раз. Вот ведь люди извращенцы! Поневоле начнешь думать о том, что мои сородичи правы в суждениях насчет безнадежности всего человеческого рода.

Смерть внимательно наблюдала за моими действиями, нависнув над левым плечом. Она уже сообразила, что уйдет из борделя с пустыми руками, но не спешила. Я чувствовал ее ленивый интерес. Что такое жизнь обычной шлюхи по сравнению с тем, что сегодня я привез в этот город? Смерть чувствовала надвигающиеся перемены и была довольна предстоящей жатвой.

Закончил я внешними повреждениями, стянув глубокие порезы. Над кожей еще можно было поработать, чтобы не оставлять шрамов, но сил уже не оставалось. Я и так вложил достаточно магии, удержав жизнь в девушке, — хватило бы на спасение нескольких душ. Теперь дело было за малым — запустить естественную регенерацию и надеяться, что все заживет без последствий.

Убедившись, что Смерть наконец-то покинула комнату, выпустив жертву из костлявых пальцев, я поменял сон девушки с магического на обычный и вытер капли пота со лба. Чувствовал себя отвратительно. Хоть рядом с блудницей ложись и вместо нее помирай. Сейчас меня можно было брать голыми руками и делать все, что заблагорассудится. Однако я робко надеялся на благодарность хозяйки борделя.

На подкашивающихся ногах я добрался до двери и выглянул в коридор.

Девушки молчали, ожидая вердикта. За их спинами я разглядел фигуру мадам Костанцо.

— Все хорошо. Ее нужно помыть, переодеть и поменять белье. Со стороны покажется, что она здорова — сейчас на коже осталось только несколько шрамов, которые я смогу убрать, когда хотя бы немного восполню силы. Но это обманчивое впечатление. Дафне нужно восстанавливаться минимум неделю. А в лучшем случае не приступать к работе двести.

Я собирался сказать что-то еще, но перед глазами потемнело, и пол бросился в лицо, больно ударив по носу.

ГЛАВА 2

Проснулся я бодрым и отдохнувшим. Будто и не было последнего месяца, в течение которого, петляя зайцем, я уходил от погони. Спал урывками, ел что придется, скинул чуть ли не четверть веса, и так не выходящего за положенные рамки. В каштановых волосах появилась седина, что для эльфа совершенно нетипично. А сейчас я открыл глаза и понял, что наконец-то выспался и даже восстановил магический резерв.

Единственное, что меня откровенно смутило, — зеркальный потолок, в котором я отражался посреди пышного ложа, застеленного атласным бельем удрушающего красного цвета. С какой Триады?

Несколько мгновений я таращился на самого себя, а затем сообразил, что, должно быть, работницы борделя положили неожиданного гостя в одну из пустующих комнат «Женского дома». Как только дотащили: от меня, конечно, остались кости да кожа, но и они что-то весили. Я представил, как четыре-пять блудниц, мешая друг другу в тесном коридоре, за руки втаскивают бессознательного эльфа в номер и, будто мешок с картошкой, закидывают на перину. Это-то ладно! Но где мои вещи? Я поднялся в пятнадцатую комнату с ранцем и оставил его у кровати пострадавшей.

Внутри все похолодело. Девицы могли его не заметить или, поддавшись любопытству, заглянуть внутрь. Или вообще забрать себе. От одной этой мысли я подскочил с кровати как ужаленный. Что там про благие намерения говорилось в «Книге Создания»? К счастью, паниковать долго не пришлось: ранец лежал на небольшом столике у кровати. Сначала я схватил его, крепко прижав к груди, и только потом проверил, все ли в порядке с содержимым.

Вещи, слава и Триединому, и Триаде, лежали на своих местах.

Я немного постоял в обнимку со своим сокровищем, будто баюкал ребенка, и только затем огляделся. Принимали здесь, судя по обстановке, состоятельных клиентов. И вообще, если бы не зеркальный потолок и обилие агрессивного красного цвета, я бы назвал это место хорошим гостиничным номером. Здесь даже имелась своя отдельная ванная комната — настоящая роскошь в моем положении!

По непроглядной темноте за окном я понял, что стоит глубокая ночь.

За стенами слышались отголоски смеха, музыки, скрипа кровати и приглушенных стонов. Я попробовал отрешиться от посторонних звуков и по кругу обошел просторную комнату. А нет, не только потолок и цвет отличали это место: из любопытства я открыл шкаф в углу и увидел огромное количество причудливых *приспособлений*, мне неизвестных, но, очевидно, предназначенных для разнообразия утех, которым здесь предавались.

Что ж, посчитаем случившееся интересным опытом. Но его повторять я не намерен.

Дернув ручку двери, с удивлением понял, что заперт. Бессмысленно толкнув створку еще несколько раз, я выругался. Зачем меня заперли? Хотели бы что-то сделать — не дали бы мне прийти в себя.

— Эй! — позвал, понимая, что вряд ли буду услышан.

Ища пути отступления, я подошел к окну. Оно выходило не на знакомую улочку, а во внутренний дворик — небольшой и глухой, как колодец. Соседние здания настолько плотно примыкали к стенам «Женского дома», что в темноте я не мог различить зазоров. Большая часть окон была темна, только в двух я различил огоньки лампад. В первой комнате у окна скорбленный старик переписывал манускрипт, дотошно сверяясь с лежащим рядом ветхим оригиналом. Во второй — на широком подоконнике сидел юноша, перебирая струны гитары, и смотрел на окна борделя с рассеянным выражением лица.

И юноша, и старик производили гнетущее впечатление: бедная одежда и потрепанный вид обоих складывались в типичную картину кварталов, соседствующих с трущобами, где жизнь обитателей редко бывает счастливой.

Оранжевый свет, падая на потрескавшиеся стены, вызолачивал дикий виноград, оплетший «колодец». Конечно, можно было попробовать с карниза пробраться на крышу, а уже дальше поискать удобный спуск, но я решил не торопить события.

Тем более под дверью раздалось шарканье, а затем — шепот.

— Господин, вы звали? — Голос я узнал. Фаби, кажется.

— Что происходит? Почему я заперт?

— Простите, вы были без сознания, а в открытую дверь мог вломиться кто-то посторонний. Мадам сказала, что другим вас лучше не видеть, даже велела всем помалкивать. Вы не подумайте ничего! Мы очень благодарны за Дафну! Откроем

дверь утром, когда клиенты разойдутся. Но если вы настаиваете, мы конечно же не станем держать вас взаперти, господин! Позвать мадам?

От сердца отлегло. Понимание безопасности в борделе было своеобразное, но я не мог не отметить попытку Костанцо не распространяться о чудном визитере.

— Спасибо, не нужно, я подожду.

Желудок издал противную трель, напомнив, что со вчерашнего утра я ничего не ел.

— Только... ты не могла бы принести немного еды?

— Конечно, господин. Ожидайте. — Прижавшись ухом к двери, я различил удаляющиеся шаги.

Музыка внизу в этот момент стала особенно пронзительной, и я только посочувствовал переписчику и барду, а также остальным жителям соседних домов. Со здоровым сном у всей улицы, уверен, есть проблемы.

Фаби вернулась через несколько минут.

В замке повернулся ключ, и девушка, размалеванная косметикой и приторно надушенная, протянула мне блюдо с овощами и графин с водой.

— Что там у тебя, красотка? — за спиной у блудницы раздался пьяный мужской голос, и я чуть не уронил графин.

— Так, мелочи, милый! — Фаби весело подмигнула мне и снова закрыла дверь.

Я остался наедине с четким пониманием, что ни за какие блага не соглашусь выйти из комнаты, пока в борделе остается хоть кто-то из клиентов.

Пристроив нехитрый улов на стоящем рядом с окном столе, я грустно осмотрел пищу. Жаловаться, конечно, не на что — так-то порции хватит, чтобы насытиться, и безусловно, есть овощи полезно. Но я-то надеялся хотя бы на пару кусочков мяса! Без удовольствия захрустев салатным листом, я решил, что обитательницы «Женского дома» оказались жертвами слухов, мол, эльфы поголовно вегетарианцы.

Не зря не люблю легенды о собственном народе. Правды в них днем с огнем не сыщешь. Одно разочарование, а не первожденные.

Да и графин могли бы наполнить разбавленным вином, а не водой. Или раз утром я отказался от чего-нибудь покрепче, мадам подумала, что я не употребляю спиртное вовсе? А соков, например, или лимонада в борделе вообще нет?

Так-то я безобразно наглед. Еще утром меня радовала затхлая вода из фонтана. А три недели назад на пути к порту я опасался засады на постоянных дворах и обходился вовсе ягодами и орехами, которые собирал по дороге. И это не говоря о том, что в самом порту пришлось рыться в обедках... но такие неприглядные факты биографии я бы предпочел забыть. Хотя, конечно, это были жизненные уроки, научившие меня иначе смотреть на, казалось бы, привычные вещи. А сейчас, пожалуйста, стоило только оказаться под крышей и выспаться на постели, тут же начал воротить нос от нормальной еды.

Расслабляться рано!

Быстро разобравшись с овощами, я еще раз прошелся по комнате. На этот раз ничего не трогал, никуда не заглядывал, просто размялся. Затем заглянул в ванную комнату и, убедившись, что в ней есть чистое полотенце и сразу два варианта гигиенических наборов для женщин и мужчин, не отказал себе в удовольствии поблаженствовать в горячей воде. Местная система канализации мне очень понравилась. В людских городах Старого Света, который я покинул, подобное могли позволить только в богатых домах. Здесь же, очевидно, такое было в порядке вещей. Единственное, что доставляло неудобство во время водных процедур, — все тот же зеркальный потолок. Не то чтобы я не был доволен собственной внешностью, мне, как и любому эльфу, грех жаловаться. Но в мыслях мелькало, что зеркала эти привыкли отражать совсем иные картины.

Пока за стенами бесновались, будто пытались разломать кровати, я, завернувшись в пушистое полотенце, принялся приводить одежду в порядок. Благо среди всяких баночек и пузырьков, из которых доносились приторные запахи, я смог найти обычный кусок мыла и, насвистывая под нос старую эльфийскую балладу, принялся за стирку. Я достаточно жил среди людей и умел себя обслуживать. Хотя, конечно, для эльфа моего положения такое было недопустимым моветоном.

Когда за окном темнота сначала сменилась серостью, а затем переливами розового и оранжевого, я только-только закончил с одеждой, досушив ее и переодевшись в чистое. Внизу смолкла музыка, в соседних номерах перестали шуметь. Несколько раз до меня доносилось хлопанье дверей и нетвердые шаги, а после все окончательно затихло.

Когда в замке снова повернулся ключ, я сидел на подоконнике, рассматривая низ «колодца». Он все-таки оказался проходным: в соседнем доме обнаружилась низкая и темная арка,

ведущая на соседнюю улицу. Клиенты борделя с удовольствием пользовались задней дверью, чтобы приходиться и уходить незамеченными. За последние десять минут я насчитал четыре фигуры, закутанные в плащи.

— Господин Келли, как здоровье? — На этот раз ко мне поднялась сама хозяйка.

Костанцо на мгновение задержалась в дверном проеме и тут же посторонилась, будто думала, что я поспешу сбежать из борделя, сбив ее с ног.

— Спасибо, что устроили, мэм. Надеюсь, я никого не потеснил и не нарушил ничьих планов. — Странно, вчера мы вроде перешли на «ты», и всех это устроило, а теперь опять нужно подбирать слова.

Я забрал со стола опустевшее блюдо и графин и направился на выход.

— Нет, эта комната пустует, никакого беспокойства. Я очень благодарна вам за Дафну. — Женщина за моей спиной не стала закрывать дверь, только приказала выглянувшим из своих комнат девочкам: — Появится Лизи, скажите, чтобы прибрала.

— Мадам, мы же перешли на «ты»! Кстати, я могу закончить лечение пострадавшей девушки — убрать шрамы, — напомнил я. И, не собираясь отказываться от своего слова, потянулся к двери пятнадцатой комнаты, но был остановлен хозяйкой.

Она ловко перехватила меня за руку и направила в сторону лестницы.

— Не стоит. Пусть у Дафны останется напоминание.

Такая логика мне была не совсем понятна. Зачем портить рабочий инструмент, который приносит доход? Другого-то не будет. Думаю, боль и ощущение приближающейся смерти уже показали Дафне, насколько она оказалась близка к краю. Разве нет? Это не так у людей работает?

— Дурочка сама провоцировала лорда Дебро. — Констанцо поджала губы. — Хотела вытрясти больше монет, а ведь до нас докатывались слухи, что он творил в других... заведениях. Не поощряй ее, эльф. Потом скопит немного и сходит к мастеру косметической магии.

Я только плечами пожал, хотя спускающаяся впереди мадам не могла увидеть этот жест. Мне же проще — не придется больше влезать в резерв ради пострадавшей шлюхи.

— Завтрак? — предложила хозяйка борделя.

Заметив на барной стойке блюдо с порезанными фруктами, я благодарно кивнул.

В зале еще не успел выветриться запах табака и пота, на полу валялись окурки и прочий мусор. Я заметил немолодую женщину, которая до нашего прихода подметала пол, что-то тихо напевая. Но стоило мне появиться вслед за мадам, как женщина, забыв про свое занятие, уставилась на меня.

— Лизи! — Костанцо всплеснула руками. — Это невежливо. Лучше скорее закончи здесь и приберись на третьем этаже. В том числе и в семнадцатой комнате. Наш гость сегодня отдыхал там.

Я поставил на свободное место пустую посуду и занялся завтраком, а потому не сразу отреагировал на несколько монет, которые положила на столешницу мадам. Скосив взгляд, насчитал целый золотой и четыре серебряные монетки. Затем перевел недоуменный взгляд на хозяйку борделя. Та пояснила:

— Именно столько я бы заплатила магу-целителю, если бы была возможность вызвать его в этот дом. Но почти все они либо работают на роды высокой крови, либо служат в больнице Святого Николаса... Где уж им до нас снисходить.

А здесь выгодно быть целителем!

Невольно я замечтался о небольшой частной клинике. Ее вполне реально купить на лежащие в ранце драгоценности кухни. Но это, увы, слишком рискованно. Слухи об эльфе неудержимо расползутся по городу за считанные недели, и тем самым я подпишу себе смертный приговор.

Я протянул руку к честно заработанным монетам. Внутри боролись жадность и желание сообщить мадам, что в мои замыслы не входило брать деньги за лечение. Так-то надеялся, что в знак благодарности за спасенную девочку Костанцо не станет никому рассказывать про странного эльфа. Но раз уж предлагают... монеты все равно пригодятся хотя бы в уплату жилья, которое придется снимать.

В голове проскочила странная идея. Сумасшедшая, яркая и очень неожиданная. Такого от меня точно никто не станет ждать! Я сам был в шоке, что вообще подумал о подобном. Но почему нет? Чем я рискую? Разве что окончательной потерей принципов и оставшихся крох гордости. Но последнее время они больше мешали, чем приносили толк.

И я решил, так и не дотронувшись до монет.

— Я ничего не говорил про оплату, мэм, — сделал пробный шаг.

Костанцо, уже не казавшаяся холодной и строгой, опустила плечи.

— Увы, господин Келли, я не смогу молчать, если мне и девочкам будет кто-то угрожать. Просто спросят — промолчу. Станут допрашивать — постараюсь соврать. Но на большее не рассчитывай, эльф, лучше возьми деньги.

Была не была!

— На сколько дней за эти деньги я могу снять ту комнату? Семнадцатую, кажется... — Мне она понравилась тем, что располагалась в самом конце коридора.

Костанцо по-настоящему удивилась моему вопросу.

— У меня не гостиница, эльф. Ты вроде уже показал отношение к подобным местам.

— Именно, — я не удержался от ухмылки, — никто в здравом уме не подумает, что я мог остановиться в борделе! К тому же я не работать у тебя собираюсь. Комната все равно пустует — от нее никакого проку. Разве что немного увеличится расход воды и света. Заодно, если кто-то придет спрашивать про эльфа, я сразу узнаю. И так?

Женщина пристально посмотрела мне в глаза, будто пытаюсь найти намек, что я шучу или издеваюсь. Затем покосилась на деньги. Я уже понял, что сумма была приличная, и хозяйка борделя могла распорядиться ею с гораздо большей пользой, чем отдать странному эльфу.

Хотя еще неизвестно, сколько в городе похороны стоят.

— Хорошо. На неделю комната твоя. Но сам решай, как не попадаться на глаза клиентам.

Я прищурился.

— Добавь двухразовое питание и возможность задавать даже самые глупые вопросы о нюансах городской жизни, тогда я осмотрю всех девочек и по необходимости подлечу.

Нужно же мне будет чем-то заниматься в свободное время? Исцелять я умею и люблю. Мне казалось, что это хоть немного уменьшает груз накопившихся грехов. И такое занятие позволит меньше думать о разном... вспоминать допущенные ошибки и прошлое.

— Есть можешь вместе с девочками хоть два, хоть пять раз — кухню никто на замок не закрывает, еще от одного рта не пообедем. Сплетни и новости я и так тебе с удовольствием расскажу, надоест слушать, — отмахнулась Констанцо.

Монеты исчезли со стойки так ловко, будто растворились в воздухе.

— Может, и нормальное постельное белье найдется, а не то красное извращение?

— Посмотришь, что завалилось в кладовой. Кажется, там было что-то хлопковое и светлое. — Костанцо обратилась к Лизи, как раз закончившей подметать пол в зале.

— Конечно, мадам. Комнату все равно следует прибрать? — Вопрос уже адресовался мне.

— Нет, спасибо, не стоит.

Я вспомнил про набор *приспособлений* в шкафу, но решил, что с ними разберусь позже. К первостепенным задачам они никак не относились.

Костанцо улыбнулась.

— Теперь вернешься в комнату обжиться?

Я кивнул на тощий ранец.

— Было бы что-то для обжития, мэм, — грустно улыбнулся я.

Конечно, я рассчитывал задержаться в городе, но обратиться новыми вещами значило совершить ошибку. Я и так еле успел сбежать из дома, не в силах расстаться с некоторыми мелочами, к которым прикипел сердцем. Не стоит баловать себя, чтобы потом опять удирать налегке.

— Тогда вот тебе первый совет. — Костанцо махнула рукой. — У нас не приняты обращения «мэм», «сэр» и тому подобные — это сразу выдает, что ты из Старого Света. Используй в общении «госпожа» и «господин» или, в зависимости от положения собеседника, «лорд» и «леди» — так будет вернее. Ко мне можешь обращаться без мишуры: либо по имени, либо «мадам».

Вернее всего меня выдадут собственные острые уши, а не владение всеобщим языком. Откуда, как не из Старого Света, прибыть эльфу? Мои сородичи на этом материке редкие гости. Так что срочно нужно разжиться амулетом иллюзии. Качественно зачарованный камень решит все вопросы и уберет нежелательное внимание. Подумаешь, какой-то мужик в борделе ошивается? Очередной клиент.

— Мне нужна аптека, лавка артефактора и оружейная. А еще ювелирный, где без вопросов возьмут несколько мелочей и дадут честные деньги.

Для начала я хотел только присмотреться: предложить на оценку пару безделиц, с которых ничего крупного не выру-

чишь. Так, составить впечатление и понять, что к чему. И пока в мыслях выстраивалась неплохая картина. Я даже робко надеялся, что вырву у судьбы шанс жить, не боясь каждого шороха, и так, как хочется, а не как приказала Владычица. И пусть я не разобрался в собственных желаниях, уверен, что что-нибудь обязательно придумаю.

— Я дам адреса и нарисую схему. — Костанцо на минуту задумалась, затем вытащила чистый пергамент и мелким убористым почерком записала контакты и имена продавцов, после чего внизу листа стрелками изобразила, куда двигаться от борделя, чтобы не заблудиться.

Наклонившись рядом, я попытался разобрать знакомые буквы всеобщего, выведенные с сильным наклоном влево.

— Что-то непонятно? — уточнила мадам, заметив, что с местного вариантом языка у меня есть проблемы.

Я помялся, не желая выглядеть безграмотным, но все-таки ткнул в одну из закорючек в имени аптекаря.

— Как это читается?

— Этот знак смягчает предыдущую букву. И поспеши, лучше обойти лавки до полудня. Потом станет слишком жарко. Не думаю, что ты уже готов испытать на себе прелести нашего климата. Не все коренные жители города рискуют выходить в солнцепек на улицу.

О, заодно я узнал, как следует писать собственное имя. Настоящее. Если я, конечно, когда-нибудь воспользуюсь им. А то и вовсе забуду, прикипев к поддельной личности.

Услышав про жару, мысленно содрогнулся. Попасть в самый зной, как вчера, я категорически не хотел и, оценив нарисованный маршрут, прикинул, что, если не произойдет ничего экстренного, успею завершить дела и вернуться в «Женский дом» до того, как солнце поднимется в зенит.

— Что ж, мадам, откланиваюсь.

— Когда вернешься, воспользуйся задней дверью. Лизи оставит ее открытой, — донеслось мне в спину.

Я махнул рукой, показывая, что услышал, и, выйдя на улицу, накинул на голову капюшон. Надеюсь, что скрытое лицо привлечет к себе чуть меньше внимания, чем выставленные напоказ длинные уши и исхудавшая эльфийская физиономия.

Начать, безусловно, следовало с артефактора. Торопливым шагом спускаясь вниз по улочке, я даже жмурился от нетерпения. Чем скорее куплю и настрою амулет, тем быстрее перестану тревожиться из-за каждого взгляда.

Хотя признаюсь — вначале мне было противно пользоваться иллюзиями. Что за жизнь, когда ты вечно играешь роль, лжешь и никому не можешь открыться и показать настоящего себя? Не жизнь это — существование. Впрочем, в моем случае я вряд ли смогу быть откровенным хоть с кем-то в городе. Все тайны и правда остались в Первоземье...

И поскольку альтернативой амулету иллюзии была смерть, выбирать не приходилось.

Утренний город оказался еще красивее, чем дневной. Со стороны океана тянуло свежестью. К запаху йода примешивались цветочные ноты: на подоконниках цвели фуксии и гардении, по фасадам расползался клематис, а из внутренних дворов доносился запах жасмина и померанцев.

Несмотря на то что шел я через небогатый квартал, все вокруг было чисто. Мостовая подметена, трещины и сколы на стенах замазаны, и я не заметил ни одного бродяги, просящего милостыню.

Людей и нелюдей в ранний час было много. Миновав первый перекресток и оказавшись рядом с несколькими торговыми лавками, я даже угодил в толчею. Очевидно, не мне одному хотелось закончить с планами до полудня, чтобы потом на пару часов спрятаться от палящего солнца.

Мой потрепанный плащ не привлекал внимания, к тому же ни ростом, ни шириной плеч в толпе я не выделялся. Правда, лиц под капюшонами прохожие не прятали, но я все-таки заметил несколько личностей, не желающих светить физиономиями, и никто их пристально не рассматривал. Неблагополучные районы, что поделать. Любопытство здесь чревато последующим нахождением чего-нибудь колюще-режущего между своих ребер.

Торговые лавки только открывались, впуская первых покупателей. Кто-то выставлял небольшие столики прямо на брусчатку, раскладывая товар под носом снующих горожан, превращая и без того узкие улочки в полосу препятствий. Собравив, что никто не собирается заглядывать мне под капюшон, я успокоился. Даже если погоня прибыла за мной в порт Старого Света с отставанием на день-два и сразу проявила чудеса догадливости, то следующий рейс к этим берегам был через пять дней после моего отплытия. Так что сегодня можно сделать необходимый минимум и наконец-то дать себе небольшую передышку.

Выбравшись на свободный пяточок, я сверился со схемой, которую нарисовала мадам, и растерянно почесал в затылке. Так-то ближе и удобнее было бы начать с аптеки. Если сначала пойти к артефактору, потом придется делать бессмысленный крюк.

Подняв взгляд от схемы, я проследил за движением светила по небосводу. Сейчас еще чувствовалась ночная свежесть, бриз со стороны океана оставлял на губах соль, но воздух стремительно нагревался. Вынужденно укрывшись плащом, я остро ощущал это.

Я вздохнул, решая, что выбрать: сделать личину и получить с непривычки еще один тепловой удар или все-таки помаячить перед аптекарем в своем настоящем облике. В конце концов, из этого получится интересный ложный след. Пусть погоня подумает, было ли что-то с моим здоровьем, раз я первым делом купил лекарства, или, польстившись на легкие деньги, я прощупывал почву для демонстрации целительских навыков.

Толпа, продолжающая уплотняться, пестрела не только смертными. Всего за несколько минут я заметил представителей самых разных рас и даже не мог с уверенностью сказать, кого в ней было больше. Я увидел и орков, и сильфов, и молодых гномов, и стража-оборотня, который, позевывая, беседовал с пожилой гоблиншей. Над толпой мелькнуло несколько фей — один из гномов, неудачно вдохнув ссыпавшуюся с крыльев пыльцу, закашлялся на всю улицу.

Решено, иду в аптеку!

Я мысленно обозвал себя слабаком, испугавшимся жары, и в этот момент уловил восхитительный аромат свежайшей выпечки, яблок и корицы. Рот тут же наполнился слюной, и будто под заклинанием подчинения я направился в сторону пекарни, расположившейся на стыке двух улиц. Все-таки овощи и фрукты полезны и даже вкусны, но как же мне сейчас хотелось вредного, сладкого и мучного! Желательно, чтобы там еще и шоколад был.

Ладно, сегодня могу себе позволить!

— Ой, Триада! — Засмотревшись на пекарню, я врезался в чье-то крепкое плечо и вдобавок, чуть не упав, наступил незнакомцу на ногу.

— А извиниться? — потребовали у меня.

— Можете начинать! — Никому нельзя вставать между мной и булочками!

Сначала я ощутил терпкое сочетание розового дерева и горького апельсина и только затем посмотрел, на кого же имел неосторожность налететь...

На меня сверху вниз недобро уставился странный тип. Таких я раньше не видел и даже не смог быстро понять, к какому народу он относится. По чертам лица — человек, но очень бледный, будто вампир, беловолосый, с белесыми ресницами и бровями, но при этом неестественно темными провалами глаз, в которых нельзя было различить, где радужка, а где зрачок. Как необычно!

Одно долгое мгновение спустя я сообразил, что, во-первых, так и не убрал ногу с чужого сапога, а во-вторых, мужчина с таким же любопытством уставился на меня в ответ. Интересно, что он смог разглядеть под... Словившись, я с ужасом понял, что от столкновения капюшон сполз и незнакомец жадно рассматривает мою типично эльфийскую физиономию.

— Триада! — Набросив капюшон, я как можно сильнее затянул завязки и почти бегом добрался до пекарни, скрывшись внутри. Мою ж мать, идиот! Расслабился, называется!

Приникнув к стеклу, я понаблюдал, как человек еще минуту смотрел мне вслед, потом покачал головой и слился с толпой. Хотя «слился» — громко сказано. Неизвестный был выше большей части людей почти на голову и по росту больше напоминал орков. Мужчина словно разрезал утреннюю толчею, как нож — мягкое масло. Я успел только отметить недешевую одежду — классический темно-синий камзол, застегнутый под горло, после чего тип скрылся из вида. Надеяться, что незнакомец легко забудет нашу встречу, не приходилось. Событие, судя по его взгляду, вышло не из заурядных. Однако я готов был молиться и Триединому, и Триаде, чтобы человек покостерил неловкого эльфа, быть может, пересказал случившееся приятелям и выкинул инцидент из головы.

— Что высматриваете, господин?

Рядом раздался любопытный голос, и я повернулся к молодому пекарю, готовому услужить первому посетителю.

— Видел человека с белыми волосами? — Я очень надеялся, что просто какой-нибудь богач забрел туда, где ему не следовало бы находиться.

— Лорда Мертвеца? Конечно! Наверняка с очередной инспекцией направился... А что?

Мертвец? Какое неприятное прозвище! И явно дано за дело. А уж инспекция — так и подавно плохо. Знать бы еще, кого

он инспектирует. Но больше мальчишку расспрашивать мне не хотелось. У него прямо на веснушчатой физиономии было написано, какое он трепло.

— На ногу ему наступил... — нехотя проворчал, рассматривая свежие булочки.

— Вот вы растяпа, господин! — бесхитростно выдал юноша. — Правой руке наместника и на ногу!

Я чуть не сел.

Но почему он один? Без свиты? Пешком? Разве так бывает, чтобы второй в городе человек не разъезжал в экипаже под бдительной охраной гвардии, а спокойно разгуливал по неблагополучному кварталу? Еще и с какой-то проверкой! Должно быть, очень страшный человек — лорд Мертвец...

Что ж, мироздание в ультимативной форме показало мне, что даже легкая расслабленность может губительно сказаться на моем дальнейшем выживании. Эту печальную новость я заел аж двумя булочками с корицей и шоколадом и запил странным горьким и очень бодрящим напитком черного цвета, который мне посоветовал мальчишка. Как он его назвал? Кахве? Непривычно, но пробирает!

В аптеке я надолго не задержался. Как уже стало понятно, хорошие целители в городе ценились на вес золота, поэтому в таких местах обитали и торговали те, кого назвать даже середнячками было затруднительно. Я разочарованно пригляделся к составам на полках и подумал, что с закрытыми глазами сварил бы зелья лучшего качества.

Но, увы, заниматься подобным мне было негде и некогда, а потому пришлось довольствоваться тем, что было в наличии. Еще и по совершенно грабительским расценкам!

Поэтому я ограничился парой флаконов стандартного восстанавливающего зелья и одним маленьким пузырьком кроветворного — последний, взятый еще из дома, я израсходовал, вляпавшись в неприятную историю с работоторговцами в порту. Посмотрев на снадобье, которое позволяло не спать около пяти дней подряд, я решил, что оно наверняка отвратительно сварено с несоблюдением пропорций, и пообещал себе позже найти пусть и более дорогой, зато качественный аналог. Однако напоследок сгорбленный аптекарь удивил меня.

Он, запаковывая позвякивающие флакончики, поинтересовался, сам ли я нашел его лавку или кто-то порекомендовал это место. Новое лицо, точнее, капюшон явно заинтересовал человека. Я спокойно сослался на хозяйку «Женского дома».

— В таком случае, господин, если вдруг вам понадобятся не исцеляющие настои, а иные, запрещенные и смертельные средства, буду рад помочь. — Старичок лукаво подмигнул и отвесил почтительный поклон.

Запрещенные и смертельные? А какое отношение к этому имеет мадам Костанцо? При упоминании «Женского дома» я бы скорее подумал про какие-нибудь специальные зелья контрацепции или для прерывания нежелательной беременности... Но, судя по всему, аптекарь имел в виду яды. Я посмотрел на человека совсем другим взглядом. Что ж, хорошо, учтем.

Место я запомнил.

Следующей точкой на схеме мадам Костанцо был ювелирный. Им заведовал немолодой гоблин, хотя гораздо привычнее за стойкой было бы видеть представителя подгорного племени. Вот гномы отлично разбирались в драгоценных камнях и могли по достоинству оценить две заколки, за которые я рассчитывал получить сумму для нормального существования на ближайший месяц.

Я даже замер в дверях, разочаровавшись в этой рекомендации хозяйки борделя, но зеленокожий торговец, заметив мое смятение, не выразил огорчения, хотя должен был подскочить и уверить в желании угодить любому капризу клиента. Подумав о том, что координат других ювелирных у меня нет, и переступив с ноги на ногу, я решил начать с одной заколки.

Хрупкое украшение легло перед длинным гоблинским носом на специальную подушечку. Я подумал, что, даже если цена не устроит, придется соглашаться. Без других рекомендаций сам не разберусь, в каких лавках не зададут лишних вопросов об истории продаваемых мной вещей.

Осмотр украшения не затянулся.

Я ожидал, что гоблин хотя бы вытащит лупу или какой-нибудь другой прибор, чтобы проверить подлинность трех некрупных адамантов редкой чистоты, однако тот несколько минут, не моргая, рассматривал заколку, после чего невозмутимо спросил:

— Крупными или с разменом?

— Попролам, — решил я, подумав, что часть суммы сразу отложу.

На всякий. А то споткнусь опять о кого-нибудь, и погони станет уже две.

Мне стало интересно, как гоблин оценил украшение с одного взгляда. Незаметно сложив пальцы в колдовской знак, я посмотрел на магический фон ювелира и понял, что столкнулся с редким явлением — видящим. Ему не требовались ни приборы, ни рекомендации. Если бы я снял заколку еще с остывшего тела или принес подделку, гоблин узнал бы об этом тут же и просто указал бы мне на дверь. Или, приняв вещь, доложил бы куда следует.

Ювелир скрылся в задней комнате, было слышно его кряхтение и приятный звон монет. Я же с любопытством изучил выставленный на витрине ассортимент. Он был настолько неоднороден, сочетая разные детали комплектов, камней и металлов, что даже незнающий человек сразу бы понял, что здесь сбывают вещи с темным прошлым. От нескольких медальонов явно фонило недавно снятыми проклятиями.

Что ж, еще один реверанс для мадам Костанцо.

Однако удачно я присел на ступени борделя!

Гоблин вернулся и положил на стойку два кошель. В одном лежали пятнадцать золотых. Пересчитывая их, я отметил, что сплав, из которого делали местные деньги, был лучшего качества, чем тот, к которому я привык в Старом Свете. Второй кошель, гораздо больше и тяжелее, оказался набит серебряными и медными монетками. Последние меня позабавили: они были значительно меньше по размеру и отличались самой разной формой, будто бы их чеканили, вообще не заморачиваясь на стандарте.

Золото я тут же убрал на дно ранца, как раз рядом с футляром, в котором хранились мои инструменты. Часть серебряных и медных монет я разложил по карманам, чтобы каждый раз не лазить в кошелек.

Нужно заодно купить что-нибудь вкусное и спрятать в комнате, чтобы во время рабочих часов борделя не пробираться тайком на кухню, если предательски разыграется аппетит.

Я был более чем доволен получившейся суммой, а потому распрощался с гоблином в самом теплом тоне, собираясь обязательно навестить его через несколько дней.

— У вас ведь есть пара к этой прекрасной безделице? — догнал меня вопрос у самого порога.

— Да, — врать видящему не имело никакого смысла. Расстаться со второй заколкой я как раз планировал в следующий заход. — Но я не хочу ходить и греметь монетами, если их можно хранить в ином виде.

— Что ж, — спокойно отозвался гоблин, — возможно, так получится даже интереснее.

Прикупив по дороге к артефактору яблоко в карамели, я пришел в самое благожелательное расположение. Знакомые мадам Костанцо мне нравились все больше и больше. Я плохо представлял, какие дела могла иметь хозяйка борделя с отравителем и скупщиком краденого, но совать нос, куда не просили, не собирался.

На то, что в лавке артефактора были опущены занавеси, я, к своему стыду, не обратил внимания. Мало ли какие здесь хранятся вещи, которые не любят попадания солнечного света? Дернув резную ручку двери, я улыбнулся, услышав, как, оповещая о приходе нового клиента, зазвенели колокольчики, подвешенные у створки.

За стойкой, обильно потев и нервно комкая в руках несколько листов пергамента, что-то лопотал испуганный мастер. Перед ним, скрестив руки на груди, мрачно возвышался лорд Мертвец.

ГЛАВА 3

Издав что-то среднее между хрипом и стоном, я попытался отступить обратно за дверь. Колокольчики издевательски зазвенели вновь, и я замер на пороге как замороженная змеей крыса. А следом яблоко в карамели, не удержавшись на тонкой деревянной шпажке, упало на пол.

— Вы что-то хотели? — резко бросил беловолосый, обернувшись.

Мастер, обрадовавшись, что от него отвлеклись, тоже посмотрел на меня.

Только бы не узнал! Мало ли идиотов ходят по кварталу в капюшонах?

Мужчина одно долгое мгновение, нахмурившись, всматривался в меня, а потом тонкие губы дрогнули в улыбке.

— Надо же! Самый неловкий эльф этого города! — Голос у человека был глубокий, проникновенный. Таким хорошо при монастыре Триединого в хоре петь, восхваляя милосердие и любовь к нам, ничтожным созданиям. — Поразительное совпадение!

Я всего лишь хотел купить булочку! Мироздание, за что?

Что-то невразумительно пробормотав, я вцепился в дверную ручку, как в спасательный круг. Не бежать же мне? Это точно вызовет нездоровые подозрения. Ну, пришел я в лавку за артефактом, так в этом нет ничего преступного.

— Сандро, обдумай пару минут мои вопросы, — бросил лорд Мертвец мастеру и снова обратился ко мне: — За каким же артефактом мог прийти эльф в подобную лавку?

— А что не так с лавкой? — возмутился я. — Мне ее посоветовали. И на двери нет таблички, что она незаконна! И вообще вы меня напугали — я яблоко уронил. А оно вкусное было!

Спокойный, почти любезный тон человека меня не обманул — лорд Мертвец был опасен! Интуиция вкрадчиво шептала, что с этим типом что-то не так.

— Действительно, таблички нет. Пока. Закончим проверку и обязательно повесим. А вы мне на ногу наступили, любезный, на новый ботинок — так что за яблоко в расчете. Вы не стесняйтесь, снимите капюшон, здесь все свои. Сандро, ты же не станешь болтать лишнего?

Мастер так сильно замотал головой, будто бы она крепилась к шее на шарнирах.

Я все-таки зашел в лавку под веселый перезвон колокольчиков, прикрыл дверь и, размотав завязки капюшона, стянул его с головы. Мне, конечно, нужно было вести себя повежливее. Но я не привык при виде опасности поджимать хвост — я привык наглеть.

— Хорошо, если вы так настаиваете, я извинюсь за утренний инцидент, но яблоко в отличие от ботинка протереть не удастся. И вообще... я же не специально! Отвлекся и не заметил, кого толкнул.

Даже если бы и заметил — все равно ничего про лорда Мертвеца не знал!

— Вы хотите, чтобы я возместил вам упавшее яблоко? — Человек нахмурился. Кажется, моя реакция не оправдывала его ожидания.

Могу поспорить, что эльф для лорда Мертвеца был диковинкой, и у него не получалось сопоставить мое поведение с легендами о высокомерных и холодных перворожденных, которые, однако, при этом всегда сохраняли вежливость и следовали этикету. Я, конечно, за рамки положенного не вышел, но к краю опасно приблизился.

— Не хочу. — Я почесал в затылке, решив, что острый язык можно уже и прикусить. Так-то за ночь я не перестал быть

беглецом с поддельными документами. — Извините, я действительно утром не заметил вас.

— Что же вас отвлекло? — Удивительно, но тон человека тоже смягчился.

— Пекарня на углу улицы, — сознался, решив не врать больше, чем требуется, — из нее так славно пахло, что все мои мысли заняли свежие булочки!

Лорд Мертвец несколько мгновений ошарашенно смотрел на меня, будто я признался в государственной измене, а потом расхохотался.

Мастер-артефактор, также не ожидавший подобной реакции, ойкнул и выронил листы, которые безуспешно пытался читать. Те, громко шурша, улетели под стойку. Человек тут же нырнул за ними, пытаюсь собрать.

— Потрясающе! — В черных нечеловеческих глазах лорда появилось какое-то странное, довольное выражение.

Я тоскливо посмотрел на яблоко — ведь не вспомню, где его купил.

— Но вы не ответили про цель визита, — напомнил лорд Мертвец. — Чем эльфа заинтересовала лавка Сандро... Сандро? — Мы одновременно сообразили, что шуршание уже стихло, однако мастер так и не появился с листами из-под прилавка.

Перегнувшись через стойку, лорд Мертвец хмыкнул.

— Люк... как банально! — Он поднес к лицу левую руку, на которой обнаружили сразу несколько браслетов с разными камнями. Я даже на глаз опознал первоклассные артефакты. Активировав передатчик, лорд Мертвец связался с кем-то из своих людей: — Маттео, подстрахуй меня. Да, господин Сандро Тезоро сбежал. Расскажу. Позже.

Его короткие, но спокойные реплики убедили меня, что далеко Сандро уйти не удастся. Как, очевидно, и мне.

Дождавшись, когда лорд Мертвец закончит отдавать распоряжения и отключит связь, я уточнил:

— Я второй день в городе, лорд, и когда потребовались амулеты — мне порекомендовали этого мастера. — До меня с запозданием дошло, что я не знаю, как правильно обращаться к человеку. Он пока не проявил такта и не представился, и я отвечал ему тем же. — Не имею ни малейшего понятия, чем таким ужасным занимается господин Тезоро, что вы собираетесь его арестовать. Я даже не знаю, кто вы...

— Лжете, — неожиданно резко заявил лорд Мертвец.